

УДК 821.581; 821.16

Е. М. Болдырева

<https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

Е. В. Асафьева

<https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

«О лютый тигр, о тигр великолепный!»: образ тигра как символ национальной культуры в китайской и русской поэзии

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. «О лютый тигр, о тигр великолепный!»: образ тигра как символ национальной культуры в китайской и русской поэзии // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 105–121. DOI 10.20323/2658-7866-2020-3-5-105-121

Статья посвящена анализу символического потенциала вечного образа тигра в китайской и русской поэзии. На примере произведений китайских и русских поэтов разных эпох рассматривается своеобразие художественной репрезентации образа тигра в лирических текстах и выявляется широкий спектр его символических значений: тигр как символ жестокости, властолюбия и одновременно отваги и чести, стремления к правде, свободе и справедливости (Го Можо), символ разрушения и опасности (Юй Чжи), символ надвигающегося хаоса и предвестник грядущего апокалипсиса, духовной и физической смерти (Сюй Чжи-Мо), символ буржуазной культуры, олицетворение жадности и порочности монархического общества и его правителей, «темного» прошлого России (Цзян Гуамцы), символ воли к свободе и независимости, протеста и упорства (Ню Хань), символ пережитых яростных трагедий прошлого (Ду Фу), символ древнего божества (П Коган), символ стремления к холодной и опасной свободе и отвержения сытой и безопасной жизни в клетке зоопарка (Э. Асадов), аналог древнего китайского божества, великий огнедышащий полководец, символ свободы и торжества жизни и красоты, а также мудрости и спокойствия (И. Сельвинский). В процессе анализа обращается внимание на изменение символических коннотаций образа в зависимости от лирической ситуации, от сопутствующих ключевому символу зооморфных реалий (волк, змея, лисы, крысы) и историко-мифологических персонажей (жестокий и беспощадный ханьский правитель У-ди, честный и благородный рыцарь Ли Юй и др.). Образ тигра рассматривается как амбивалентная сущность, сочетающая в себе

© Болдырева Е. М., Асафьева Е. В., 2020

противоположные качества и символические значения: жестокость, природную разрушительную силу и мудрость, осторожность, отвагу, страсть, свободолюбие.

Ключевые слова: культурный символ, вечный образ, мифология, образ тигра, аллегория, амбивалентная сущность, русская лирика, китайская лирика, лирический герой.

CULTURAL SCIENCE

E. M. Boldyreva, E. V. Asafieva

“Oh lackluster tiger, magnificent tiger!”: the image of a tiger as a symbol of national culture in chinese and russian poetry

The article is devoted to the analysis of the symbolic potential of the eternal image of the tiger in Chinese and Russian poetry. On the example of the works of Chinese and Russian poets of different eras, the peculiarity of the artistic representation of the image of the tiger in lyrical texts is considered and a wide range of its symbolic meanings is revealed: tiger as a symbol of cruelty, power love and at the same time courage and honor, desire for the truth, freedom and justice (Guo Moruo), a symbol of destruction and danger (Yu Zhi), a symbol of impending chaos and a harbinger of the upcoming apocalypse, spiritual and physical death (Xu Zhi-Mo), a symbol of bourgeois culture, the personification of the greed and depravity of monarchist society and its rulers, the “dark” past of Russia (Jiang Guamtsi), a symbol of the will to freedom and independence, protest and perseverance (Nu Han), a symbol of experienced fierce tragedies of the past (Du Fu), a symbol of an ancient deity (P Kogan), a symbol of the desire for cold and dangerous freedom and the rejection of a well-fed and safe life in a zoo cage (E. Sadov), an analogue of the ancient Chinese deity, a great fire-breathing commander, a symbol of freedom and the triumph of life and beauty, as well as wisdom and calm (I. Selvinsky). In the process of analysis, attention is drawn to the change in the symbolic connotations of the image depending on the lyrical situation, from the zoomorphic realities accompanying the key symbol (wolf, snake, fox, rat) and historical and mythological characters (cruel and merciless Han ruler Wu-di, honest and noble knight Li Yu, etc.). The image of the tiger is considered as an ambivalent entity, combining opposite qualities and symbolic meanings: cruelty, natural destructive power and wisdom, caution, courage, passion, freedom love.

Key words: cultural symbol, eternal image, mythology, tiger image, allegory, ambivalent essence, russian lyrics, chinese lyrics, lyrical hero.

«Тигр, тигр, жгучий страх,/Ты
горишь в ночных лесах./Чей бес-
смертный взор, любя,/Создал
страшного тебя?» – в этих строках
из прославленного стихотворения

Уильяма Блейка «Тигр» темная,
смутная, неизвестная, враждебная
сила предстает перед нами в вели-
чественном образе огненного тиг-
ра, который озаряет мрак ночи.

Тигр – олицетворение зла, одновременно страшного и прекрасного в своей силе, и не случайно именно тигр как один из самых сложных и неоднозначных символов в мировой культуре стал мощным катализатором лирического вдохновения и объектом эстетической рефлексии многих творцов, замороженных, как и Блейк, его Fearful symmetry.

Тигр – древнее животное, которое почитают во многих странах, в особенности в тех, где он обитает, и во многих исследованиях рассматривается. Образ несет в себе множество коннотаций [Аверинцев, 1989; Гура, 1997; Заянчковский, 1991; Меркулова, 2015], олицетворяя как силу, так и жестокость, как мудрость, так и природную неконтролируемую ярость, как грацию и изящество, так и физическую мощь. Он может быть и защитником, и разрушителем. Практически все национальные культуры отражают амбивалентность данного образа, детерминированную, очевидно, необычным окрасом животного. Рыже-черный (бело-черный) окрас символизирует Инь и Янь, создавая полноценный образ, совмещающий в себе противоположные грани мироздания. Так, в Европе тигр символизирует кровожадность и одновременно с этим силу, отвагу, бесстрашие. На Дальнем Востоке коннотации данного образа в большей степени позитивные, поскольку тигр является олицетворением благородства и благополучия. В культуре Азии и Индии тигр символи-

зирует величие и дикую силу, может быть защитником, а может, наоборот, нести беды и разрушения людям.

Наиболее ярко образ тигра представлен в культуре Китая [段士秀, 2001; 刘春景, 2005; 刘光准、黄苏华, 1999; 穆重怀, 2003; Ващенко, 1998; Голыгина 1995; Михайлова, 2016; Сидорова, Баоянь, 2017]. Как и в большинстве культур, символика данного образа имеет двойственную природу. С одной стороны, исследователи обращают внимание на Бай Ху – дух Белого тигра, покровителя страны мертвых. Этот образ охранял стены храмов на Западе Китая и служил защитником от злых духов. Несмотря на то, что Дух Белого Тигра являлся покровителем науки, он был в большей степени воинственным и нес разрушение и погибель всякому, кто нарушал гармонию и покой Запада. С другой стороны – Шан-Жен-Мет-Вэй (Истинный Дух Гор и Лесов), воплощающий мудрость, императорскую власть, силу, гармонию и красоту. Что касается русской культуры, то, несмотря на то, что образ тигра вряд ли можно назвать ключевым культурным кодом для русской нации, тем не менее он широко представлен в геральдике, живописи, и, что более важно, в стихотворениях русских поэтов, таких как И. Сельвинский, Э. Асадов, П. Коган и др. В нашей статье мы рассмотрим своеобразие художе-

«О лютый тигр, о тигр великолепный!»: образ тигра

как символ национальной культуры в китайской и русской поэзии

ственной репрезентации образа тигра как символа национальной культуры в творчестве русских и китайских поэтов.

«Тигриный дискурс» русской и китайской поэзии включает в себя стихотворения двух типов. В одних животное представляет собой совокупность жестокости и природной звериной разрушительной силы, способной сокрушить не только человека, но и других представителей фауны. В других тигр сочетает в себе такие качества как мудрость, осторожность, отвагу, страсть, свободолюбие. Все эти качества, на наш взгляд, характеризуют не собственно животное, а национальные качества и мировоззрение представителей народов Китая и России.

Все грани символа Духа Белого Тигра наиболее полно отразились в поэме китайского поэта Го Можо «Свирепый тигр» [Го Можо, 1990, с. 67]. Первая часть поэмы знакомит нас с жестоким Ханьским правителем У-ди, который стравливал в вольере тигров ради забавы толпы. Тигры в начале поэмы служат олицетворением природной силы и жестокости, где «лютые звери слились в пятнистый клубок» и их «хищные» пасти повергали в ужас окружающих. Природная сила белых тигров несет смерть всему живому и сокрушает гармонию мира природы, поскольку жестокий правитель с «сердцем железным в груди» сбрасывает с балкона медвежат, лис зайцев и других менее крупных и хищных животных. Своими дей-

ствиями ханьский правитель подчеркивает собственное превосходство и соотносит себя с хищником, не знающим ни милосердия, ни усталости. Поскольку тигр находится на вершине пищевой цепочки и обладает большой силой и ловкостью, охотится на зверей, во много раз превосходящих его в размерах и силе, этот зверь не знает себе равных в мире животных. Подобно этому, Ханьский правитель обладает безграничной властью как над «сонмом наложниц», «свитой» и провинциальным людом, так и над животными, поскольку все в пределах его правления является собственностью жестокого У-ди, который способен одним взмахом руки нести смерть подданным. Таким образом, в начале поэмы реализуется значение образа тигра как символа силы, власти, физического и морального превосходства, его «лунная» составляющая, несущая смерть и разрушение, а также силу, властолюбие, суровость, отвагу и свирепость.

Однако в третьей части поэмы образ несколько меняет символическую коннотацию. Внесюжетный элемент композиции (песня, которую поет Ван), появляющийся в заключении второй части, является катализатором последующего конфликта. Песня, исполняемая Ваном, гласит о том, что некогда храбрый генерал, служивший в войске правителя, принял камень за тигра и пронзил его стрелой, проявив не только отвагу, но и силу. И Ван, со-

крушаясь о кончине любимого воина, обращается к толпе в поисках такого же смельчака. И здесь появляется противоположный тигру образ змея, подлого и трусливого искусителя – сановника. Обращаясь к Вану, он рассказывает о дерзком юноше, внуке знаменитого генерала, который презирает подданных правителя и упрекает их в трусости и неспособности отомстить за гибель предков:

*Смел он и дерзок,
Острый язык его лих –
Злобно порочит
Верных придворных твоих*
[Го Можо, 1990, с. 69]

По мнению рыцаря Ли Юйя, трусы, окружающие правителя, «тем терпеливей, чем побольнее их бьют» [Го Можо, 1990, с. 68], и потому им не дано «храбрости на отщепенье». Возмущенный «черной» речью сановника, Ханьский правитель приказывает юному рыцарю вступить в смертельную схватку с его тиграми. «Миг – и над бездной/Внук Ли Гуана повис» [Го Можо, 1990, с. 70]. Несмотря на опасность и неминуемую смерть, потомок храброго воина не стал спорить с правителем и молить о пощаде, а сам прыгнул к лютым хищникам. Изумленный такой отвагой, ханьский правитель приказал слугам крепче держать веревку, однако юный рыцарь воскликнул:

*Милость?! Пощада?!
Нет, настоящий герой*

Предпочитает

С лютыми тиграми в бой!

[Го Можо, 1990, с. 70]

В данном эпизоде Ли Юйя, так же, как и Ханьский правитель, соотносит себя с тигром, однако символические значения данного образа принимают другой характер. Если на примере Вана мы видели темную (лунную) составляющую символа – властолюбие, жестокость, кровожадность, беспощадность, бескомпромиссность, то молодой воин демонстрирует лучшие качества тигра (солнечные) – отвага, честность, благородство. Герой восклицает:

Тигров свирепость

Лучше коварства людей!

[Го Можо, 1990, с. 70]

Таким образом он подчеркивает благородство лютых зверей, их справедливость и честность перед собой и окружающими. Он противопоставляет «тигров» «крысам», к которым относит подданных Вана. Подчеркивая собственную доблесть, юноша перерезает веревку и оказывается среди зверей. И очень важным здесь становится реакция тигров на героизм молодого рыцаря:

Пятятся тигры,

Жмутся в углы от меча

[Го Можо, 1990, с. 71].

Своей храбростью внук генерала сумел на мгновение заставить отступить неминуемую гибель. Тигры, восхищенные подобным бес-

страшием, на мгновение отступили назад. Однако затем героя спасли воины Вана от лап и клыков свирепых белых тигров. Когда рыцаря подвели к правителю, тот предложил ему в награду вино и титул военачальника, однако он выхватил меч и обратился к правителю с обличительной речью:

*Ты, ненавистный
Черствый, жестокий тиран, <...>
Если бы кровь твою
Выпил я вместо вина,
Ненависть лютую
Не утолил бы сполна*

[Го Можо, 1990, с. 72] –

и мужественно принял смерть от меча Ханьского правителя, проявив таким образом доблесть, справедливость, честность, бесстрашие. В приоритете у молодого рыцаря не рабское существование крысы, а достойная смерть свободного тигра во имя справедливости, истины. Таким образом, мы увидели, что в поэме отражены противоположные грани амбивалентного образа Бай Ху. С одной стороны, кровожадность и жестокость, властолюбие и ярость Ханьского правителя, с другой – отвага и честь, стремление к правде, свободе и независимости, справедливость и непокорность молодого рыцаря Ли Юя. Следует предположить, что заглавие поэмы аллегорично и в равной степени относится как к Вану, так и к славному потомку генерала Ли Гуана.

Более «кровожадный вариант» образа тигра представлен в стихо-

творении Юй Чжи «Лютый тигр» [Китайская классическая поэзия ...], где зверь представлен как символ разрушения и опасности. Его рычание сопровождается воем ветра, а путники спешат укрыться в своих жилищах:

И путники спешат домой вернуться

На всех путях своей родной страны. <...>

*Простые люди бродят, озираясь,
спуганно трепещут их сердца*

[Китайская классическая поэзия ...].

Однако несмотря на грозность и бескомпромиссность животного, автор стихотворения наделяет его противоположными свойствами: «О лютый тигр, о тигр великолепный!» [Китайская классическая поэзия...]. Первый эпитет детерминирован повадками зверя и его разрушительной мощью, беспощадностью и безразличием к судьбам окружающих. Тем не менее, он великолепен и восхищает лирического героя своим бесстрашием и силой: «тебе неведом леденящий страх» [Китайская классическая поэзия...]. Можно предположить, что тигр символизирует императорскую власть, а лисы – его армию. Поэтому с одной стороны тигр лютый, поскольку многие китайские правители были диктаторами, с другой – великолепный, потому что всякая власть справедлива. Единственные, кто может нарушить покой тигра, мятежные полководцы, которые несут еще большие разрушения:

*Злоратно выпускают полководцы
Из луков стрелы золотым до-
ждем, –
Они в скалу вонзаются глубоко,
Что ж о злодействе говорить
твоём?
[Китайская классическая поэзия ...]*

Мятежники наиболее жестоки, поскольку лишены чести, так как нападают из засады, в то время как тигр свирепствует открыто, при свете дня, выйдя из пещеры. Поэтому наряду с жестокостью ему присущи такие качества, как отвага и благородство, в то время как полководцы нападают издалека, используя оружие, проявляя таким образом трусость и подлость, то есть качества, присущие пресмыкающимся, а не хищникам.

В ряде текстов образ тигра символизирует надвигающийся хаос и служит предвестником грядущего апокалипсиса, революции, духовной и физической смерти. Чаще всего тигр выступает не один, а в паре с волком. В Древнем Китае волк символизировал алчность и жестокость. Как мы отмечали ранее, подобные проявления есть и в образе Бай Ху (белого тигра). Так, в стихотворении «Яд» [Сорок поэтов ...] Сюй Чжимо лирический герой оказывается жертвой современного мира, с присущей ему ложью и подлостью: «Поверь, ядовиты мои мысли, потому что таков этот мир; темна моя душа, потому что солнце уже не сияет» [Сорок поэтов ...]. На смену привычному порядку вещей прихо-

дит темный хаос: «мой голос подобен крику ночной совы на могильном кургане, потому что в мире людей убита гармония» [Сорок поэтов ...], а «добро уступило место злу» [Сорок поэтов...]. Все, что может справиться с ядом – пронзенное ножом сердце героя, из которого исходить истина, добро и любовь: «Сердце мое не в силах терпеть, оно полно жалости и любви» [Сорок поэтов ...] и несмотря на ядовитые слова, исходящие из уст героя, любовь, по его мнению, способно победить как разрушения, так и смерть: «сердце мое переполнено тем, что сильнее яда, – проклятья не столь ядовиты, пламя не более ярко, смерть не столь глубока!» [Сорок поэтов...]. В мире героя нет понятия правды и неправды, смещены привычные нравственные парадигмы, а «в гробнице на коралловом острове [мертво] мерило добра и зла» [Сорок поэтов ...]. Все, что некогда было непреложными ценностями, сгнило, подобно бумажному змею – вера, надежда, красота. Все повернулось вспять, а люди пребывают в грязи и разрушении: «в грязном потоке, где проходит людской путь, несутся по волнам пять обезображенных трупов: гуманность, справедливость, обрядность, мудрость, вера...» [Сорок поэтов ...], а на смену этого пришли «алчность и зверство» [Сорок поэтов ...]. В мире, окружающем героя, «человечность – под гнетом зверства, свет – под пятой мрака» [Сорок поэтов ...] и над всем этим царят волки и тигры, несущие разорение и погибель, по-

этому заключительные стихи звучат особенно трагично: «Слышишь этот непристойный шум, этот звериный вой?.. / Тигры и волки на растревоженных улицах, насильники – в постелях ваших жен, злодейство – в глубине ваших душ...» [Сорок поэтов ...]. Таким образом, в данном тексте реализуется отрицательная коннотация образа тигра и зверь, в отличие от предыдущих текстов, символизирует только негативные проявления человеческой сущности – ненависть, безразличие, безверие, жестокость, бездуховность. На наш взгляд, проявление качеств тигра зависит от того, какое животное-катализатор находится с ним рядом. Например, волк актуализирует в тигре лунную составляющую образа, поскольку сам он символизирует зло и тьму. Тигр, по природе будучи амбивалентным символическим образом, проявляет ту же сущность, что и образ, находящийся рядом с ним.

«Злобные волки и разъяренные тигры» встречаются и в стихотворении Цзян Гуамцы «Стихи о Москве» [Сорок поэтов ...]. Они являются символами буржуазной культуры, олицетворяют жадность и порочность монархического общества и его правителей, олицетворяют «темное» прошлое России, смятенное Октябрьской революцией, принесшей мир, справедливость и свет:

*Октябрь, словно пушка невиданного калибра,
Прогрохотал,— <...>
Октябрь, словно огненный смерч,
Испепелил навечно
Все, что жестоко и бесчеловечно.
[Сорок поэтов ...]*

Вспоминая об этом дне, герой испытывает восторг. Он посвящает свое сердце революции и верит, что мир возродился из пепла благодаря мужеству человечества, способного изменить ход истории.

Судьба героя стихотворения Ду Фу «Возвращаюсь из Ланчжуна» [Китайская классическая поэзия ...], напротив, трагична. Он находится в разлуке с близкими – жена его переживает, а дочь больна. Угнетенное состояние мужчины передается через пейзаж – тучи, пригнувшиеся к земле, пустынность окружающего мира, ветер, дождь, осенняя мгла. Среди этого уныния герой торопится вернуться домой, не замечая красоты вокруг себя: «И разве можно в спешке/ Сосчитать//Цветы,/Что я встречаю на пути?» [Китайская классическая поэзия ...]. Он озабочен тревогами, и из финальных стихов мы понимаем, что герой от кого-то укрывался, возможно, был в изгнании. Герой пребывает в печали и мечтает о долгожданном покое, однако неизвестность заставляет его спешить. Прошлое его трагично, а будущее неизвестно и вызывает опасения: «Я знаю -/Змеи впереди меня//И яростные тигры/Позади» [Китайская классиче-

ская поэзия ...]. Трагичное прошлое свидетельствует о разрушительном начале тигра в контексте данного стихотворения. Змея же, подобно хищнику, имеет также двойственное символическое значение. Это может означать жизнь, а может и смерть, нести добро или зло, иметь как созидательную силу, плодородие, мужское начало, так и разрушительную. Однако если допустить, что образы с амбивалентным символическим значением перенимают качества животного, находящегося рядом, следует предположить, что будущее героя столь же трагично, сколько прошлое и настоящее.

Несмотря на то, что в большинстве стихотворений китайских поэтов, тигры наделены в большей степени отрицательными качествами – ярость, разрушение, властолюбие – и служат лунным символом, угрожая всему живому, в стихотворении Ню Ханя «Хуананьский тигр» [Азиатская медь ... , 2007, с. 31] животное является символом воли к свободе и независимости, символом протеста и упорства.

Интегральный образ стихотворения – тигр в клетке гуйлиньского зоопарка, показанный сквозь призму восприятия лирического героя. В начале текста герой обращает внимание на пространство: «В крошечном зоопарке,/Увидел тигра я» [Азиатская медь ... , 2007, с. 31]. Поскольку тигр является самым крупным представителем семейства кошачьих, эпитет, выбранный автором, усиливает трагичность ситуации, изображенной в

тексте. Крупный зверь вынужден жить в маленьком, замкнутом, обозреваемом пространстве под взгляды циничной толпы. Среди прочего, лирический герой обращает внимание на поведение зрителей: «...кто-то камешки бросал, а кто-то/Кричал, чтобы привлечь его внимание, /Но кто-то и сочувствие выражал» [Азиатская медь ... , 2007, с. 31]. Поскольку у животного не было возможности укрыться в вольере, оно забилося в угол и ни на что не реагировало: «Я смотрел так долго... очень долго! – /Но так и не увидел/Ни полосатой его морды,/Ни пламени исполненных зрачков.<...>/К толпе он повернулся задом, чтоб не любовались» [Азиатская медь ... , 2007, с. 31]. В поведении хищника мы видим протест. Лишенный возможности уйти, он делает все, что в его силах, чтобы не стать предметом внимания тех, кто запер его в тесном пространстве ради удовлетворения собственного любопытства и желание развлечься за счет его страданий. Таким образом, тигр является здесь символом протеста и упорства, поскольку ни крики, ни камни, ни жалость, ни решетки, ни узкие бетонные стены не способны сломить его волю: «Не отвечал тигр ни на что!/Лишь толстый длинный хвост его/По временам о землю бил»

Угнетенный подобным зрелищем, лирический герой горько восклицает: «О тигр, о в клетке тигр!» [Азиатская медь ... , 2007, с. 31]. Он обращает внимание на внешний вид животного, его раны:

«О лютый тигр, о тигр великолепный!»: образ тигра как символ национальной культуры в китайской и русской поэзии

*...когти все
До основанья сломаны – да так,
Что кровь еще сочится и со-
чится!<...>
И ты в бессилье яростного гнева
Принужден мясо грызть крова-
выми зубами,
Зубами, сточенными в кровь!..*
[Азиатская медь..., 2007, с. 31]

Герой пытается понять, о чем думает животное, какие чувства испытывает. Он предполагает, что хищник вспоминает о родных просторах, жизни вольного зверя. Мужчина думает о жестокости людей, которые сломали тигру когти, связали его и бросили в тесную клетку. В смятении, исполненный жалости, он собирается уйти из зоопарка, потому что ему невыносимы страдания хищника. Однако в этот момент он видит на бетонной стене окровавленные следы тигриных клыков: «И вдруг увидел я в железной клетке,/В стене из серого бетона,/Канавок окровавленных ряды» [Азиатская медь..., 2007, с. 32] и понимает, что жалость и сочувствие его были напрасными по отношению к зверю. Метафоры в заключительной части текста свидетельствуют о силе хищника, они символизируют мужество и волю:

*И будто в забытии услышал
громкий звук –
Стрясший небо рык тигриный,
Крик вольной, несмирившейся
души!<...>
И я увидел – огненный его узор,
Огнем горящие тигриные глаза!*
[Азиатская медь..., 2007, с. 32]

В душе тигра – не сожаления об утраченном горном лесе, не воспоминания о родных просторах, не страх перед толпой, бросающей в него камни, а пламя независимости, воля к свободе. Он отвернулся от толпы и забился в угол не из опасений, а чтобы выразить пренебрежение собравшимся обывателям. Он грыз и царапал бетонную стену, чтобы выбраться наружу. В его поступках мужество, упорство и самоотверженность, в глазах его – сила и непокорство. Узор на лбу тигра напоминает иероглиф «王», означающий в китайском языке «король», «правитель», и лирический герой, услышав яростный рев непобежденного зверя, понимает, что перед ним не испуганное и искалеченное животное, заслуживающее сочувствия, а гордый правитель мира зверей, достойный восхищения и уважения.

Не менее интересны образы плененных тигров и в текстах русских поэтов. Так, у П. Когана в стихотворении «Тигр в зоопарке» мы встречаем животное, подобное древнему божеству: «Ромбическая лепка мускула/И бронза – дьявол или идол» [Коган]. В отличие от тигра из предыдущего стихотворения, хищник П. Когана находится в хорошей физической форме:

*Древней Китая или Греции,
Древней искусства и эротики,
Такая бешеная грация
В неповторимом повороте.*
[Коган]

Мы не видим ни сточенных до мяса костей, ни окровавленной пасти. Лирический герой восхищен хаотичным началом дикого зверя, его самодостаточностью:

*Он сам создал себя из хаоса,
Минуя божьи ладони.*

[Коган]

Однако несмотря на внешнее совершенство, тигр уступает своему сородичу из предыдущего стихотворения. Если тигр Нью Ханя полон сил и до конца сопротивляется человеку, вгрызаясь в бетон и пытаясь освободиться, то пленник Когана слаб и не в силах оказывать сопротивление. Он повернут мордой к зрителям, поскольку лирический герой видит его глаза:

*И глаза острого и узкого
Неповторимая обида.*

[Коган]

Если в предыдущем стихотворении во взгляде зверя мы видели свободу и ярость, то здесь сожаления об утраченной свободе. Он оказывает лишь внешнее сопротивление, но, понимая, что стены клетки сильнее его попыток выбраться, зверь никнет:

*Какой вольнолюбивой яростью
Его бросает в стены ящика,
Как никнет он, как жалко старится*

При виде сторожа кормящего...

[Коган]

В отличие от предыдущего образа, отражавшего солнечную сторону символа, тигр Когана имеет двой-

ственную природу – рабскую покорность и волю к свободе, величие:

*Как в нем неповторимо спаяны
Густая ярость с примиренностью.*

*Он низведенный и охаянный,
Но бог по древней одаренности.*

[Коган]

Однако не все тигры в текстах русских поэтов столь смиренны и слабы духом. В стихотворении Э. Асадова «Бенгальский тигр» [Асадов, 2003, с. 326] хищник променял уютную клетку и заботливого человека на холодную, сводящую лапы свободу. В центре внимания лирического героя – тигр, сбежавший из вагона, который, предположительно, должен был доставить животное в заповедник или зоопарк:

*Весь жар отдавая бегу,
В залитый солнцем мир
Прыжками мчался по снегу
Громадный бенгальский тигр.*

[Асадов, 2003, с. 326]

Метафоры свидетельствуют о солнечной составляющей символа, олицетворяющей свободу, справедливость, силу, мудрость, самоотверженность, честь. Услышав пальбу (предположительно животное хотели усыпить на время, а не убить) и звуки погони, зверь оскалил морду и прибавил сил, чтобы скрыться в снегу. Несмотря на тяжелые условия, холод, неизвестность, он проявил упорство и тем

быстрее бежал, чем становилось хуже:

*Клыки обнажились грозно,
Сужен колючий взгляд.*

[Асадов, 2003, с. 326]

Он вспоминал, как плохо было ему в уютном, казалось бы, плену, как он тосковал о свободе, об охоте и как выжидал момент, когда сможет совершить побег, и едва получив шанс, бросился прочь от людей. На пути к родным просторам Бенгалии, он решительно преодолевал различные препятствия:

*Бежал, хоть уже по жилам
Холодный катил озноб,
Все крепче лапы сводило,
И все тяжелее было
Брать каждый новый сугроб.*

[Асадов, 2003, с. 326]

Из следующего катрена мы понимаем, что никакая опасность животному не угрожает, а люди заботливы по отношению к хищнику, накормят его и согреют. Однако животное предпочитает холодную и опасную волю, чем сытую и теплую жизнь в клетке зоопарка/заповедника. И потому в заключении лирический герой говорит:

*Следы через все преграды
Упрямо идут вперед.
Не ждите его. Не надо.
Обратно он не придет.*

[Асадов, 2003, с. 326]

Можно предположить, что, скорее всего, тигр погиб. На это указывает и голос всезнающего лириче-

ского героя. Холод, погоня, кусты, сосны, пальба – это все дано в восприятии тигра. Однако тот, от чьего лица ведется лирическое повествование, знает больше, чем тигр. Во-первых, он знает, что тигра ждут люди для того, чтобы о нем позаботиться, сохранить, что они не собираются в него стрелять из настоящего оружия, но снова запрут его в клетке. Во-вторых, он, в отличие от тигра, руководствующегося эмоциями – «восторгом» – понимает, что от снежной России до бенгальских джунглей животное не доберется. Форсированные асиденты, многочисленные лексические повторы и восклицательные конструкции, создают ощущение, что животное бежит на максимально допустимой скорости – «ветер свистит в ушах» [Асадов, 2003, с. 326], «Промчал полосатой птицей» [Асадов, 2003, с. 326] (60 км/ч. – максимальная скорость *Panthera tigris bengalensis*). При беге тело нагревается и контрастирует с холодом окружающей среды, что, вероятнее всего, приведет к остановке сердца и животное погибнет, на что и намекает всезнающий герой: «Видно, смерть на свободе/Лучше, чем жизнь в плену?!» [Асадов, 2003, с. 326].

Воплощением свободы, силы и мудрости является и тигр из поэмы И. Сельвинского «Охота на тигра» [Советская поэзия ... , 1977, с. 376]. В начале лирического повествования мы видим охотников, которые хотят подстрелить изюбря. Чтобы найти животное, они используют

специальный манок, имитирующий голос парнокопытных. В надежде на крупную наживу, они привлекают ее «искусственной страстью», однако вместо изюбря к ним выходит «[з]олотая. Закатная. Усатая, как солнце./Жаркая морда тигра!» [Советская поэзия..., 1977, с. 377] Парцелляция, используемая автором, подчеркивает красоту тигра, детали его внешности, а сами эпитеты указывают на солнечную составляющую интересующего нас символа. Не менее важным является и описание тигра:

*В оранжевый за лето выгоря,
Расписанный чернью, по золоту
сед,
Драконом, покинувшим храм,
Хребтом повторяя горный хребет,
Спускался он по горам.*
[Советская поэзия..., 1977, с. 378]

Здесь мы видим, что тигр уподобляется дракону, который в Китае олицетворяет плодородие, мудрость, силу и императорскую власть. Таким образом, хищник становится подобием мифического божества, интегрального для китайской культуры. Подчеркивается также его пластичность, природная грация. Физические его характеристики подчеркиваются оксюморонном «невесомая грузность», что означает его крупный размер и одновременно с ним легкость в движениях. «Ленивый, как знамя» [Советская поэзия..., 1977, с. 378], он привлекает внимание охотников,

становясь приоритетной добычей. Сравнение, избранное автором, указывает на величие тигра и значимость его в мире зверей.

В 13 строфе герой-повествователь, рассуждая о звере, называет его древним китайским божеством, великим огнедышащим полководцем:

*Это его в буддийских кумирнях
Славят, как бога: Шан –
Жен –
Мет –
Вэй!
Это он, по преданью, огнем дымящий,
Был полководцем китайских династий.*
[Советская поэзия..., 1977, с. 378]

Видимо, речь здесь идет о «желтом Императоре», превратившемся в огнедышащего дракона, Шан-Жен-Мет-Вэй же – Истинный Дух Гор и Лесов – символ мудрости, плодородия. Дракон, сочетающийся с тигром, усиливает положительные коннотации символа и наделяет его такими характеристиками как грация, величие, статность; «Он шел по склону военным шагом./Все плечо выдвигая вперед» [Советская поэзия..., 1977, с. 378].

На мудрость животного указывает его поведение. Охотники, наблюдающие за тигром, делают для себя открытие: хищник умеет имитировать голос своей добычи:

*И в голубые струны усов
Ловко цедил... излюбленный зов.*
<...>

Милый! Умница! Он был охотник:

Он применял, как и мы, «манок».
[Советская поэзия..., 1977, с. 378]

Поведение тигра меняется, когда он слышит охотников, подражающих голосу изюбря. Из ленивого, медленно переваливающегося через хребет грациозного животного он превращается в свирепого хищника, почуявшего добычу:

Тигр глянул – и нет умиления
<...>

С минуту насквозь прожигали меня

Два золотых огня...
[Советская поэзия..., 1977, с. 380]

Охотнику удалось подстрелить хищника, однако гордый зверь проявил силу, мужество и нашел в себе силы встать, продемонстрировал не только мужество и силу, но и гордость, королевскую статью и скрылся в тумане, подобно призраку, охраняющему собственные владения:

*Но миг – и он снова пред нами,
как миф,*

*Раскатом нас огромив,
И вслед за октавой, глубокой,
как Гендель,*

*Харкнув на нас горячо,
Он ушел в туман. Величавой легендой.*

С красной лентой. Через плечо.
[Советская поэзия..., 1977, с. 380]

В данном стихотворении тигр является символом свободы и торжества жизни и красоты, а также мудрости и спокойствия.

Таким образом, символический потенциал вечного образа тигра в произведениях китайских и русских поэтов разных эпох поистине неисчерпаем. Однако, несмотря на широкий спектр его символических значений, практически во всех текстах тигр предстает как амбивалентная сущность, имеющая двойственную природу и наделенная как отрицательными коннотациями – алчностью, яростью, разрушительной силой, жестокостью, стремлению к хаосу и смерти, – так и положительными – мужеством, непокорностью, самоотверженностью, стремлением к свободе, независимости, справедливости, торжеству жизни. Лунная и солнечная составляющая символа проявляется с разной степенью интенсивности, и изменение символических коннотаций образа происходит в зависимости от лирической ситуации, от сопутствующих ключевому символу зооморфных реалий (волк, змея, лисы, крысы) и историко-мифологических персонажей (жестокый и беспощадный ханьский правитель У-ди, честный и благородный рыцарь Ли Юй). Так, волки отражают темные грани образа и подчеркивают природное начало хищника; солнечная же сторона проявляется, когда тигр выступает в тесной связи с драконом, как у И. Сельвинского, находит себе рав-

ного по духу, как в поэме Го Можо, или когда оказывается в обстоятельствах, противоречащих его природе, подобно животному из стихотворений Нью Ханя, П. Когана и Э. Асадова. Во всяком случае, в китайско-русском поэтическом «тигрином дискурсе» тигр, как и в величайшем творении Уильяма Блейка, в независимости от того,

какой огонь – небес или преисподней – горит в его глазах, олицетворяет не столько ярость разрушения или торжество свободы, сколько животворящую неиссякаемую энергию, которая сокрушает заблуждения и зло и является единственным гарантом движения и развития прекрасного и яростного мира.

Библиографический список

1. 段士秀. 俄汉语动物象征意义的民族文化差异[J]. 长春大学学报, 2001.
2. 刘春景. 从动物名称的喻义看俄汉文化的异同[J]. 江西电力职业技术学院学报, 2005.
3. 刘光准、黄苏华. 俄汉语言文化习俗探讨[M]. 北京: 外语教学与研究出版社, 1999.
4. 穆重怀. 汉俄文化中动物形象象征意义的比较[J]. 大连民族学院学报, 2003.
5. Аверинцев С. С. Символ / Философский энциклопедический словарь. Москва: Сов. энцикл., 1989. 814 с.
6. Азиатская медь: Антология современной китайской поэзии / сост. Лю Вэньфэй. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2007. 256 с.
7. Асадов Э. А. Избранное. Смоленск: Русич, 2003. 624 с.
8. Ващенко Н. Н. Символика образов животных в китайских сказках // Народная культура Сибири. Материалы VII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 1998. С. 152–155.
9. Го Можо. Сочинения: Стихотворения. Драмы. Повести и рассказы. Москва: Худож. лит., 1990. 623 с.
10. Голыгина К. И. «Великий предел»: Китайская модель мира в литературе и культуре (I XIII вв.). Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 364 с.
11. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. Москва: Индрик, 1997. 912 с.

12. Заянчковский И. Ф. Животные, приметы и предрассудки. Москва : Знание, 1991. 256 с.
13. Китайская поэзия. URL: <https://spintongues.vladivostok.com/FeanoChinese.htm>. (Дата обращения: 28.08.2020).
14. Коган П. Д. Тигр в зоопарке. URL: https://451l.net/pavel_kogan/stihi/#tigr_v_zooparke. (Дата обращения: 28.08.2020).
15. Меркулова Н. Г. Менталитет – культурный код – язык культуры: к вопросу о корреляции понятий // Регионоведение. 2015. № 2. С. 188–196.
16. Михайлова Ю. Н. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии / Ю. Н. Михайлова, Чжао И // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 4 (157). С. 168-181.
17. Китайская классическая поэзия: сборник. URL: http://lib.ru/ROECHIN/china_classic.txt. (Дата обращения: 28.08.2020).
18. Сидорова М. Ю. К поэтике вечных образов: «Тигр в зоопарке» П. Когана и «Хуананьский тигр» Нью Ханя / М. Ю. Сидорова, У. Баоянь // Стефанос. 2017. № 6. С. 60–66.
19. Советская поэзия в 2-х томах. Серия: Библиотека Всемирной литературы. Москва : Художественная литература, 1977. 912 с.
20. Сорок поэтов. Китайская лирика 20–40-х годов. URL: https://archive.org/stream/B-001-027-845-ALL/B-001-027-845-01_djvu.txt. (Дата обращения: 28.08.2020).

Reference list

1. 段士秀. 俄汉语动物象征意义的民族文化差异[J]. 长春大学学报, 2001.
2. 刘春景. 从动物名称的喻义看俄汉文化的异同[J]. 江西电力职业技术学院学报, 2005.
3. 刘光准、黄苏华. 俄汉语言文化习俗探讨[M]. 北京 : 外语教学与研究出版社, 1999.
4. 穆重怀. 汉俄文化中动物形象象征意义的比较[J]. 大连民族学院学报, 2003.
5. Averincev S. S. Simvol = Symbol / Filosofskij jenciklopediceskij slovar'. Moskva : Sov. jencikl., 1989. 814 s.
6. Aziatskaja med': Antologija sovremennoj kitajskoj poezii = Asian Copper: Anthology of Contemporary Chinese Poetry / sost. Lju Vjen'fej. Sankt-Peterburg : "Peterburgskoe Vostokovedenie", 2007. 256 s.
7. Asadov Je. A. Izbrannoe = Selected. Smolensk : Rusich, 2003. 624 s.

8. Vashhenko N. N. Simvolika obrazov zivotnyh v kitajskih skazkah = Symbolism of animal images in Chinese fairy tales // Narodnaja kul'tura Sibiri. Materialy VII nauchno-praktičeskogo seminaru Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo centra po fol'kloru. Omsk, 1998. S. 152–155.

9. Go Mozho. Sochinenija: Stihotvorenija. Dramy. Povesti i rasskazy = Works: Poems. Dramas. Stories and Stories. Moskva : Hudozh. lit., 1990. 623 s.

10. Golygina K. I. “Velikij predel”: Kitajskaja model' mira v literature i kul'ture (I XIII vv.) = “The Great Limit”: The Chinese model of peace in literature and culture (I XIII centuries). Moskva : Izdatel'skaja firma “Vostochnaja literatura” RAN, 1995. 364 s.

11. Gura A. V. Simvolika zivotnyh v slavjanskoj narodnoj tradicii = Symbolism of animals in the Slavic folk tradition. Moskva : Indrik, 1997. 912 s.

12. Zajanchkovskij I. F. Zivotnye, primety i predrassudki = Animals, signs and prejudices. Moskva : Znanie, 1991. 256 s.

13. Kitajskaja poezija = Chinese poetry URL: <https://spintongues.vladivostok.com/FeanoChinese.htm>. (Data obrashhenija: 28.08.2020).

14. Kogan P. D. Tigr v zooparke = Tiger at the Zoo. URL: https://45ll.net/pavel_kogan/stihi/#tigr_v_zooparke. (Data obrashhenija: 28.08.2020).

15. Merkulova N. G. Mentalitet - kul'turnyj kod - jazyk kul'tury: k voprosu o korreljacii ponjatij = Mentality - cultural code - language of culture: to the question of correlation of concepts // Regionologija. 2015. № 2. S. 188–196.

16. Mihajlova Ju. N. Kul'turnye konnotacii zoonimov v russkoj i kitajskoj frazeologii = Cultural connotations of zoonyms in Russian and Chinese phraseology / Ju. N. Mihajlova, Chzhao I // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. 2016. T. 18, № 4 (157). S. 168–181.

17. Kitajskaja klassičeskaja poezija = Chinese classical poetry : sbornik URL: http://lib.ru/POECHIN/china_classic.txt. (Data obrashhenija: 28.08.2020).

18. Sidorova M. Ju. K pojetike večnyh obrazov: “Tigr v zooparke” P. Kogana i “Huanan'skij tigr” Nju Hanja = To the poetics of eternal images: “Tiger in the Zoo” by P. Kogan and “Huanan Tiger” by Nu Han / M. Ju. Sidorova, U. Baojan' // Stefanos. 2017. № 6. S. 60–66.

19. Sovetskaja poezija v 2-h tomah = Soviet poetry in 2 volumes. Serija: Biblioteka Vsemirnoj literatury. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1977. 912 s.

20. Sorok pojetov. Kitajskaja lirika 20–40-h godov = Forty poets. Chinese lyrics of the 20-40s. URL: https://archive.org/stream/B-001-027-845-ALL/B-001-027-845-01_djvu.txt. (Data obrashhenija: 28.08.2020).